Агафья Вебер

Волшебство Старого зеркала

Агафья Вебер

Волшебство старого зеркала

«Автор»
2026

Вебер А.

Волшебство старого зеркала / А. Вебер — «Автор», 2026

Покупка старого коттеджа на краю сибирского леса должна была стать для Маргариты обычной сделкой. Но вместо скучных смет её ждали запертые комнаты, полные забытых тайн, странная соседка, знающая слишком много, и мужчина, один взгляд которого заставил остро пожалеть о потерянных годах.А на пыльном чердаке уже ждало своего часа старинное зеркало. Стоит заглянуть в его золотую глубину — и назад, в прежнюю серую жизнь, дороги уже не будетПродолжение книги « Зов из-за грани»

© Вебер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Точка невозврата 5
Глава 2 9
Встреча с домом 9
Глава 3 12
Встреча в лесу 12
Глава 4 16
Взгляд сквозь стекло 16
Глава 5 19
Танец огня, шёпот воды 19
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Агафья Вебер
Волшебство старого зеркала

Глава 1

Точка невозврата

Дождь за окном прихожей сек по стеклу мелкой, противной крупой, но в самой квартире было душно и пахло так, будто здесь неделю не открывали форточки: пережаренным луком, дешёвым светлым пивом и чужим, липким равнодушием.Маргарита прислонилась затылком к прохладному косяку входной двери и закрыла глаза. Пятница. Без четверти девять вечера. За спиной — двенадцать часов в офисе, два сорванных контракта по вине поставщиков, разборки с руководством и полтора часа в глухой пробке на мосту. Ноги в тесных кожаных лоферах гудели так, будто по ним прошлись катком, а виски стягивало тугим, пульсирующим обручем.Из гостиной доносился бодрый ор спортивного комментатора, звонкое клацанье компьютерной мыши и глухие удары по клавиатуре.— Рит, ты, что ли? — крикнул из комнаты Денис, даже не подумав подняться с кресла и выйти в коридор. — Наконец-то! Слушай, у нас в холодильнике мышь повесилась, один вчерашний борщ скисший. Ты в магазин заезжала? Я бы сейчас мяса поел, стейков каких-нибудь, или хоть отбивных нажарь с пюрешкой. И глянь мою серую толстовку в корзине, я завтра с пацанами в гараж собирался, а она вся в пятнах.Маргарита медленно выдохнула сквозь стиснутые зубы.*«Рит».*Как же её трясло от этого липкого, приземлённого сокращения! Ещё семь лет назад, в самом начале их романа, она мягко, но твёрдо предупредила: *«Зови меня Марго или Маргарита. Мне не нравится Рита — оно мне не идёт»*. Тогда Денис красиво улыбался, целовал ей пальцы и называл не иначе как «моя Марго». Но стоило штампу высохнуть в паспорте, как «Марго» испарилась. Осталась «Рит» — удобная, домашняя, безотказная обслуга, которой можно бросить через плечо список поручений, не отрываясь от монитора.Она молча стянула с ног туфли, повесила мокрый плащ на крючок и прошла на кухню.В раковине возвышалась пирамида из немытых тарелок, сальных сковородок и пустых пивных банок. На столешнице липли круги от пролитого соуса, а у пустой миски в углу, распушив свой роскошный, размером с лисий, хвост, сидел Бакс. Огромный дымчато-чёрный мейнкун с густыми кисточками на ушах повернул к хозяйке крупную породную морду и тихо, с обиженной хрипотцой басовито мяукнул, глядя на неё своими умными янтарными глазами.— Прости, мой хороший, — прошептала Маргарита, опускаясь на корточки и зарываясь пальцами в густую, шёлковую шерсть на его загривке. — Опять про тебя забыли.Она достала из шкафа пакет с кормом, доверху насыпала в миску и налила свежей воды. Бакс благодарно ткнулся холодным носом ей в ладонь и принялся за ужин, а Маргарита выпрямилась и направилась в гостиную.

В комнате царил полумрак, подсвеченный лишь кислотным сиянием огромного монитора и экраном телевизора. Денис сидел в глубоком компьютерном кресле, развалившись, словно падишах на подушках: вытянутые ноги в растянутых трениках упирались в журнальный столик, на подлокотнике стояла начатая банка пива, а на голове сидели массивные игровые наушники с неоновой подсветкой.Маргарита подошла к розетке у стены, нагнулась и спокойно выдернула шнур сетевого фильтра.Монитор и системный блок мгновенно погасли. В комнате повисла тишина, нарушаемая только бубнежом телевизора.Денис дёрнулся так, будто его ударило током. Сорвал с головы наушники, швырнул их на стол и вскочил с кресла, багровея от ярости:— Ты совсем охренела?! У нас рейд финальный шёл, я два часа на него убил!

Какого чёрта ты творишь?!— Сядь, Денис, — тихо, но так холодно сказала Маргарита, что он на секунду осекся. — Нам нужно поговорить.— Да о чём с тобой говорить, если ты с порога истерики закатываешь?! — завопил он, всплеснув руками и нервно заходив по комнате. — Я весь день на нервах, резюме рассылал, два собеседования по зуму прошёл, башка квадратная! Решил полчаса расслабиться — и тут ты со своими закидонами! Где ужин, я спрашиваю?! Я с обеда крошки во рту не держал!Маргарита смотрела на него — на его помятое, слегка одутловатое лицо, на засаленную футболку, на эти бегающие, лживые глаза — и чувствовала, как внутри с тихим, окончательным щелчком рвётся последняя ниточка, которая ещё связывала её с этим человеком.

Два года. Два долгих года она верила его сказкам. Когда он потерял кресло руководителя отдела в строительной компании, она сама уговаривала его не отчаиваться, готовила деликатесы, покупала дорогие рубашки для встреч. Ведь раньше он действительно неплохо зарабатывал, любил сорить деньгами в ресторанах, требовал безупречного сервиса во всём и привык жить красиво. Вот только работать за среднюю зарплату он «считал ниже своего достоинства», а достойных мест всё не находилось. И незаметно для самого себя Денис свил гнездо на диване. — Ты не проходил сегодня никаких собеседований, Денис, — ровно произнесла Маргарита, скрестив руки на груди. — И вчера не проходил. И полгода назад тоже. Когда у меня на прошлой неделе завис рабочий ноут и я открыла твой — я видела историю браузера. Там только игровые форумы, ставки на спорт и порносайты. Ни одного захода на сайты вакансий за восемь месяцев.Денис замер посреди комнаты. Его лицо на миг вытянулось, но тут же исказилось злобной, уродливой гримасой:— Ах ты крыса… В чужих вещах роешься?! Слежку за мной устроила?! Да кто тебе право давал в мой ноутбук лезть?!— Это мой ноутбук, Денис. Я купила его на свою премию, как и всё остальное в этой квартире за последние два года, — спокойно отрезала она. — Продукты, коммуналку, бензин для твоей машины, твою одежду и твоё пиво оплачиваю я. И при этом я же должна после двенадцати часов на работе стоять у плиты и отстирывать твои толстовки? Хватит. Спектакль окончен. Собирай вещи и уходи. Завтра утром я подаю на развод.— Чего-о-о?! — Денис злобно расхохотался, пнув ногой пуфик так, что тот отлетел к стене и с глухим грохотом опрокинул напольную вазу. — Развод?! Да кому ты нужна в тридцать восемь лет, кому ты вообще сдалась со своим командирским тоном и вечной работой?! Выдохлась, постарела, ни ласки от тебя, ни тепла — одна бухгалтерия в глазах! Посмотри на себя в зеркало, Маргарита! Кому ты такая уставшая и злая сдалась?!В этот момент в дверном проёме появился Бакс. Услышав грохот и крики, огромный кот прижал уши с кисточками, выгнул спину дугой и низко, угрожающе зарычал, глядя на Дениса.— А ты вообще пошёл вон отсюда, шерстяной урод! — взбесился Денис и резко замахнулся ногой, пытаясь пнуть кота.

Он не успел. Маргарита рванулась вперёд с такой скоростью и силой, что сама от себя не ожидала, и со всего размаху толкнула Дениса в грудь обеими руками. Не ожидавший такого отпора мужчина пошатнулся, зацепился пяткой за край ковра и неуклюже рухнул спиной прямо на диван.— Ещё раз тронешь кота — я тебя с лестницы спущу, и полиция не поможет, — выдохнула Маргарита, чувствуя, как в висках стучит ледяная ярость. — Десять минут на сборы. Всё, что не успеешь забрать, завтра вынесу к мусоропроводу.Денис вскочил с дивана, тяжело дыша, хотел было снова заорать, но, наткнувшись на её немигающий, стальной взгляд, вдруг сдулся и засуетился. Следующие двадцать минут прошли под аккомпанемент его злобного пыхтения, грохота молний на спортивных сумках и бормотания о том, какая она «бесчувственная дрянь» и как она ещё приползёт к нему на коленях, когда поймёт, какое сокровище потеряла.Когда входная дверь наконец захлопнулась с оглушительным лязгом замка, Маргарита сползла по стене прямо на пол прихожей. Бакс тут же подошёл, деловито обнюхал её лицо и громко, успокаивающе затарахтел, прижимаясь тёплым боком к её плечу.— Всё, Баксик… Всё закончилось, — прошептала она, чувствуя, как по щекам наконец покатились горячие, обжигающие слёзы. — Только ты и я.На следующий день, в субботу, она встретилась в уютной

кофейне в центре города с Ингой — своей самой близкой подругой, с которой они дружили ещё с первого курса института. Маргарита сидела у окна, грела озябшие пальцы о фарфоровую чашку и впервые за долгое время выложила всё без утайки: и про враньё Дениса, и про его замах на кота, и про то, как ей страшно и пусто внутри.Она ждала простого женского тепла. Объятий. Слов о том, что всё наладится.Но Инга, аккуратно поправив идеальный маникюр, поджала накрашенные губы и посмотрела на неё с тяжёлым, поучительным вздохом:— Знаешь, Ритуль… Я тебя люблю, конечно, но тут ты палку перегнула. Ну подумаешь, мужик сорвался, накричал. А кто бы не сорвался, когда ему в лицо тычут, что он альфонс? Когда Денис при деньгах был и по ресторанам тебя водил, ты же молчала, всё устраивало! А сейчас у человека кризис, выгорание, ему мужское самолюбие поддержать надо, похвалить, вдохновить… А ты его как пса за порог выставила. Немудро ты поступила, Ритуль. Останешься одна со своим котом — сама же локти кусать будешь.

Маргарита смотрела на подругу так, словно впервые её увидела. В памяти мгновенно всплыли слова Дениса: *«Кому ты нужна… постарела…»*. И вот теперь та же самая грязь летела в неё от женщины, которую она десять лет считала родной сестрой.— Понятно, — тихо произнесла Маргарита, поднимаясь из-за стола. — Не волнуйся за мои локти, Инга. У меня с ними всё будет в порядке.Она положила деньги за свой нетронутый кофе, развернулась и вышла на улицу, даже не оглянувшись на оклик подруги.Весна в городе вдруг показалась ей серой, пыльной и чужой. Снующие мимо люди, гул машин, витрины дорогих бутиков, в которые она не заходила уже целую вечность — всё это давило на грудь бетонной плитой. Возвращаться в пустую квартиру не хотелось, но идти было больше некуда.Вечером, приняв горячий душ и укутавшись в мягкий махровый халат, Маргарита устроилась на кухне с кружкой травяного чая. Бакс раскинулся рядом на стуле, свесив пушистую лапу, и тихо похрапывал. В квартире стояла непривычная, звенящая тишина.Чтобы хоть как-то отвлечься от тяжёлых мыслей, Маргарита открыла ноутбук и бездумно полезла на Авито. Сначала просто рассматривала дачи в области, потом переключила поиск на «Вся Россия» — просто так, из любопытства, чтобы посмотреть, как живут люди там, где нет пробок, офисов и фальшивых улыбок.И вдруг её палец замер на тачпаде.С экрана на неё смотрел дом из старой доброй сказки.Двухэтажный бревенчатый коттедж на самом краю глухой сибирской деревни, упирающийся задним двором прямо в стену векового соснового бора. Мощные, потемневшие от времени брёвна лиственницы, кружевные резные наличники на высоких окнах, крыша с узкими чердачными сводами и огромный, заросший цветущими яблонями сад.В описании значилось: *«Продаётся старинный купеческий дом у самого заповедного леса. Два этажа, мансарда-чердак, русская печь, баня, колодец. Вся старинная мебель и утварь остаются новым хозяевам. Срочно, недорого, в связи с переездом к детям»*.Маргарита приблизила снимки. Вгляделась в тёмные окна, в резное крыльцо, в густую зелень сосен за покосившимся плетнём — и вдруг почувствовала, как по спине пробежал странный, тёплый озноб. Словно этот дом на краю света тихо позвал её по имени. Не «Рит». А **Марго**.

И тут же в голове, привыкшей работать чётко и смело, вспыхнула безумная, захватывающая дух идея.*«А что меня здесь держит?!»* — сердце заколотилось о рёбра так, что перехватило дыхание. — *«Мужа больше нет. Подруги — тоже. Свою городскую квартиру я могу сдать хоть завтра — и этих денег с головой хватит на спокойную жизнь! А из этого коттеджа у тайги можно сделать потрясающий камерный эко-отель для уставших горожан! Тишина, банька на дровах, лесные тропы, домашний уют… Я всю жизнь строила чужой бизнес — так неужели не построю свой?!»*Руки слегка дрожали, когда она набирала номер продавца.Трубку взял неторопливый, добродушный старческий голос. Дед Игнатий рассказал, что дом строил ещё его прадед-лесопромышленник, сруб стоит на каменном фундаменте и простоит ещё двести лет, внутри сухо и тепло, а уезжает он только потому, что одному в восемьдесят лет стало тяжело управляться с большим двором.Говорили они почти час. А когда поло-

жили трубку, Маргарита, не давая себе времени испугаться или передумать, перевела продавцу солидный задаток, договорившись через неделю приехать на место, осмотреть усадьбу и оформить документы.В понедельник утром она положила на стол директора заявление на накопленный за два года отпуск с твёрдым внутренним решением: обратно в этот офис она больше не вернётся. Сдала квартиру через знакомого риелтора в доверительное управление, собрала два больших чемодана вещей, купила для Бакса просторную дорожную переноску-дом и целый мешок его любимых лакомств.В субботу на рассвете, когда город ещё спал в прохладной майской дымке, Маргарита захлопнула багажник своего кроссовера, устроила на заднем сиденье важно прищурившегося Бакса и выехала на загородную трассу.

Впереди лежали полторы тысячи километров пути, глухая сибирская деревня, старый дом на краю тайги и новая жизнь, в которой она впервые за долгие годы принадлежала только самой себе.

Глава 2

Встреча с домом

Последние пятьдесят километров пути петляли среди густого хвойного бора. Асфальт давно сменился укатанной, рыжей от сосновой хвои грунтовкой, и кроссовер Маргариты мягко покачивался на плавных ухабах, увозя её всё дальше от привычного мира бетона, светофоров и вечной спешки.Бакс, который первые несколько часов пути недовольно басил из своей просторной переноски, к вечеру притих. Огромный дымчато-чёрный мейн-кун устроился поудобнее, высунул крупную породную морду в приоткрытую сетку и жадно шевелил усами, ловя непривычные, густые запахи прогретой майским солнцем смолы, мокрой земли и свежей листвы.— Вот мы почти и дома, Баксик, — тихо проговорила Маргарита, поглядывая на кота в зеркало заднего вида. — Потерпи ещё немного, мой хороший. Скоро выпустим тебя на волю.Деревня открылась за очередным поворотом неожиданно: просторная, светлая, раскинувшаяся вдоль неширокой таёжной речки. Крепкие бревенчатые дома, свежие палисадники, в которых уже зацветала черёмуха, и звенящая, чистая тишина, в которой отчётливо слышались переливы лесных птиц и мерный шум ветра в вершинах сосен.Дом Маргариты стоял на самом отшибе — в конце широкой улицы, там, где кончались соседские участки и начиналась стена векового, дремучего леса.Она притормозила у высоких деревянных ворот и заглушила двигатель. Навстречу, опираясь на гладкую можжевеловую трость, от крыльца неторопливо шагнул невысокий сухощавый старик в чистой льняной рубашке и тёплой жилетке. Лицо его, изрезанное глубокими морщинами, светилось тем спокойным, ясным добродушием, какое бывает только у людей, проживших долгую жизнь в ладу с землёй.

— Ну, с приездом, Маргарита Сергеевна! — улыбнулся он, приоткрывая калитку. — А я уж заждался, чай второй раз завариваю. Меня Игнатием Петровичем величать.— Здравствуйте, Игнатий Петрович, — Маргарита вышла из машины, с наслаждением расправляя затёкшую спину, и огляделась.На мутных снимках в объявлении усадьба выглядела куда скромнее.

Вживую же дом поражал своей основательностью, простором и какой-то тихой, благородной красотой. Сложенный из толстых, золотисто-медовых брёвен вековой лиственницы, с широкой террасой, большими панорамными окнами, в которых отражались кроны сосен, и высокой крышей с просторной мансардой. Вокруг раскинулся ухоженный участок с крепкой баней из светлого кедра, колодцем под деревянным навесом и большим садом, где зацветающие яблони смешивались с высокими, пушистыми елями, подступавшими вплотную к задней границе двора.— Хорош дом? — с тихой гордостью спросил старик, перехватив её восхищённый взгляд. — Мы с отцом его на совесть ставили, для души. Я ведь всю жизнь плотником да краснодеревщиком работал, резьбой да мебелью из цельного дерева занимался. Сухой он, светлый, дышит весь. Я бы в жизнь его не отдал, да годы берут своё — восемьдесят второй пошёл, сын в город зовёт, к внукам. А дому хозяйка нужна. Со вкусом, живая.Пока они подписывали оставшиеся бумаги на широкой террасе и пили душистый чай с мёдом, Бакс, выпущенный из переноски, с царственным достоинством обошёл двор, обнюхал ступени, пометил угол поленницы и уселся у порога, жмурясь на закатное солнце.— Ого, какой зверь знатный! — одобрительно кивнул Игнатий Петрович, глядя на огромного кота с кисточками на ушах. — Настоящий лесной барин. Такому здесь самое раздолье.Перед самым отъездом — за стариком уже приехал на старенькой «Ниве» сосед, чтобы отвезти его на станцию к вечернему поезду — Игнатий Петрович передал Маргарите связку тяжёлых ключей, но руку не отпустил. Улыбка сошла с его лица, а светлые глаза стали вдруг очень серьёзными и глубокими.— Вот что я тебе

скажу напоследок, дочка, — негромко заговорил он, кивнув в сторону тёмной, плотной стены вековых сосен за садом. — Ты по глазам вижу — барышня городская, привыкла всё своим умом да расчётом мерить. Но место тут особенное. Дом этот стоит вплотную к старому лесу, на самой грани. Тайга наша живая, она всё видит и каждого чужака насквозь чует.Маргарита слушала внимательно, не перебивая — в голосе старика не было ни капли суеверного страха, только спокойная, вековая мудрость.— Просто так, нахрапом да с пустыми руками в лес не ходи, — продолжил Игнатий Петрович. — Ежели решила здесь жить да дело своё затевать, первым делом поклонись лесу и его духам. С уважением, по-грамотному всё сделай, гостинец принеси, попроси разрешения под его сенью жить. Тогда лес тебя примет, укроет и в обиду не даст. А ежели с пренебрежением — начнёт путать, морочить, покоя не будет.

— Спасибо, Игнатий Петрович. Я обязательно так и сделаю, — искренне ответила Маргарита, чувствуя, как по коже пробежал лёгкий, приятный холодок.— Вот и умница, — лицо старика снова потеплело. — А ежели не знаешь, как по-правильному подступиться, или совет какой по лесным делам понадобится — так ты не стесняйся. Вон туда, чуть дальше по улице и повыше на пригорок, видишь добротный коттедж с резной крышей? Там наша местная шаманка живёт, Алёнка, со своей семьёй. Светлая, добрая женщина, никому в помощи не отказывает. Подойди к ней запросто, скажи, что от деда Игнатия — она всё подскажет и научит.Старик ещё раз окинул прощальным взглядом родной двор, перекрестился на крыльцо, сел в машину соседа и уехал.Калитка тихо щёлкнула. Маргарита осталась совершенно одна на краю огромной сибирской тайги.

Закатное солнце уже опускалось за вершины сосен, окрашивая небо в густой, медово-розовый цвет. Воздух наполнился вечерней прохладой, запахом цветущей черёмухи и хвои. Маргарита взяла связку ключей, подхватила дорожную сумку и поднялась на крыльцо.— Ну что, Бакс, пошли знакомиться с нашими владениями? — улыбнулась она.Тяжёлый ключ провернулся в замке мягко, без скрипа. Дверь распахнулась — и Маргарита замерла на пороге, не в силах сдержать восхищённого вздоха.

Дом встретил её невероятным простором, воздухом и светлым, тёплым минимализмом, в котором каждая вещь была произведением искусства. Стены из шлифованного золотистого бруса дышали живым теплом, пахли свежей кедровой стружкой, воском и сухими луговыми травами, а широкие, ничем не занавешенные окна впускали внутрь мягкий закатный свет и зелень сосен.Маргарита переступила порог и медленно пошла по комнатам, касаясь кончиками пальцев гладких деревянных поверхностей.

Первой открылась **просторная гостиная, объединённая со столовой**. Никаких лишних перегородок и громоздких стенок — только свет, пространство и поразительная авторская мебель, которую Игнатий Петрович создал своими руками. В центре обеденной зоны стоял массивный, невероятно красивый стол из цельного слэба векового карагача: его живой, волнистый природный край сохранял естественный изгиб ствола, а глубокая трещина посередине была залита прозрачной, как застывший лесной мёд, смолой. Вокруг стола располагались лёгкие, изящные стулья из светлого ясеня с плавными спинками.В зоне отдыха у большого камина, выложенного гладким речным камнем, стоял низкий, просторный диван из светлого некрашеного льна и журнальный столик из поперечного спила старого кедра на кованых опорах. А прямо под ногами расстилался настоящий шедевр — необычный, объёмный тканый ковёр ручной работы, выполненный в форме мягкой лесной поляны, поросшей мхом. Переливы всех оттенков зелёного — от нежно-салатового и оливкового до глубокого изумрудного и хвойного — были вытканы с разной высотой ворса, так что ковёр выглядел точь-в-точь как живой бархатистый мох в тайге.Бакс первым оценил это чудо: огромный кот ступил на зелёный «мох», с наслаждением выпустил когти, потянулся во всю свою внушительную длину и с довольным урчанием растянулся прямо посреди поляны.— Вот это уровень… — прошептала Маргарита, оглядываясь. — Да сюда хоть завтра гостей заселяй, тут ничего ломать не надо — только беречь

и дополнять!**Кухня** оказалась такой же светлой и продуманной: гладкие фасады из светлого массива дуба без лишней вычурности, широкая столешница из натурального камня, открытые деревянные полки, на которых аккуратно стояли керамическая посуда ручной работы, стеклянные банки с травяными сборами и старинный, до блеска начищенный буфет из тёмного ореха — единственная антикварная вещь в комнате, которая смотрелась здесь как благородный акцент. В нижнем выдвижном ящике буфета Маргарита нашла толстую тетрадь в кожаном переплёте, исписанную аккуратным почерком деда Игнатия — с чертежами, рецептами банных запарок из сибирских трав и секретами ухода за живым деревом.

На втором этаже расположились **две светлые, просторные спальни** с высокими потолками и панорамными окнами в сад. В главной спальне стояла широкая кровать с изголовьем из цельного спила светлого кедра, застеленная гладким льняным покрывалом цвета топлёного молока, лёгкий платяной шкаф из светлой сосны и изящный туалетный столик из слэба с глубокой прожилкой тёмного янтаря.На столешнице этого столика лежала небольшая шкатулка из отполированного капа — причудливого нароста на стволе берёзы с завораживающим, похожим на мрамор узором. Маргарита приоткрыла крышку: внутри на мягком тёмно-зелёном бархате лежали крупная брошь в виде веточки папоротника из чернёного серебра и тонкий браслет из тёплого медового янтаря.Она взяла брошь в руки, приложила к своему растянутому серому свитеру — и вдруг с острой, щемящей грустью поймала своё отражение в узком настенном зеркале у двери.Дорогое, тонкой работы украшение на её застиранном, бесформенном свитере смотрелось так, словно на уставшую ломовую лошадь надели царскую корону. Бледное лицо, синяки под глазами, тусклые медно-рыжие волосы, кое-как стянутые дешёвой резинкой в растрёпанный пучок… В памяти мгновенно всплыли злобные слова Дениса: *«Выдохлась, постарела… посмотри на себя в зеркало»*.Сердце болезненно сжалось. Она аккуратно положила брошь обратно в шкатулку и закрыла крышку.— Ничего, — тихо сказала она сама себе, расправляя плечи. — Дом сам по себе сказка. И себя мы тоже в порядок приведём.В этот момент снизу донеслось громкое, требовательное «Мяу-у-у!».

Маргарита спустилась по светлой деревянной лестнице и увидела, что Бакс, обошедший уже все комнаты, сидит в дальнем углу коридора у неприметной двери из тёмного состаренного бруса, за которой круто уходила вверх узкая лестница — прямо на чердак, под самую крышу. Огромный кот смотрел прямо на неё своими яркими янтарными глазами и нетерпеливо подёргивал кончиком пушистого хвоста, словно приглашая подняться следом.А за панорамными окнами дома вдруг поднялся вечерний ветер, и верхушки старых сосен зашумели протяжно, тихо и таинственно — будто сам лес шептал новой хозяйке, что главная тайна этого дома ждёт её там, наверху.

Глава 3

Встреча в лесу

Дверь на чердак отворилась с тихим, тягучим вздохом, словно её не открывали много лет. За ней круто уходила вверх узкая лестница из потемневших от времени, но крепких сосновых ступеней.Бакс, не дожидаясь приглашения, бесшумно скользнул наверх, едва слышно царапнув когтями по дереву. Маргарита поднялась следом и шагнула в полумрак под самой крышей.В отличие от светлых, современных этажей внизу, чердак оказался настоящим хранилищем истории — высоким, просторным, со сводчатым потолком из массивных тёмных брёвен и большим арочным окном в торце, за которым плотной стеной стояли верхушки старых сосен. Закатное солнце уже почти скрылось за горизонтом, но последние медовые лучи пробивались сквозь стекло, выхватывая из полутени старинные кожаные чемоданы с медными застёжками, резные сундуки, стопки книг в потёртых переплётах и связки сухих лесных трав под стропилами.В воздухе густо пахло старым кедром, сухой полынью и чем-то неуловимо таинственным.И прямо у арочного окна, чуть развёрнутое к лесу, стояло высокое антикварное зеркало в тяжёлой, искусно вырезанной деревянной раме, украшенной переплетением ветвей и звёзд.Маргарита подошла ближе, словно притянутая невидимым магнитом. Бакс уже сидел рядом на старом сундуке, обмотав лапы пушистым хвостом, и внимательно смотрел то на хозяйку, то в тёмную глубину стекла.Стекло было затянуто тонкой серой пеленой пыли, но стоило Маргарите поднять руку и провести ладонью по прохладной глади, как по коже пробежал странный, тёплый ток.В первый миг в зеркале отразилась всё та же уставшая женщина в растянутом сером свитере, с тусклым взглядом и растрёпанным узлом волос на затылке. Маргарита горько усмехнулась, уже собираясь отвернуться, но её пальцы, скользнувшие по резной деревянной раме, вдруг ощутили живое, пульсирующее тепло.

По поверхности зеркала пробежала золотистая рябь — точно по лесному озеру от лёгкого дуновения ветра. В глубине стекла вспыхнуло мягкое янтарное сияние, осветив её лицо, и затёртый серый свитер в отражении растаял, словно утренний туман.Маргарита ахнула и прижала ладони к губам, не в силах отвести глаз.Из золотистой глубины стекла на неё смотрела она сама — и в то же время совсем другая женщина. Потрясающе красивая, статная, с гордой, лебединой осанкой и мягким сиянием гладкой, отдохнувшей кожи. Её медно-рыжие волосы, обычно тусклые и стянутые в тугой узел, лежали пышным, изящным пучком с выпущенными у висков мягкими, переливающимися локонами. На ней струилось длинное платье глубокого изумрудного цвета с тонким кружевом на рукавах, подчёркивающее тонкую талию, а в глазах горел такой живой, тёплый, магнетический огонь, что у самой Маргариты перехватило дыхание. Она улыбалась спокойно и тепло — как настоящая хозяйка своей судьбы.— Господи… Это же я… — выдохнула она, боясь даже моргнуть, чтобы чудесное видение не исчезло.Она шагнула ближе, вглядываясь в каждую чёрточку, в плавный изгиб шеи, в счастливую, спокойную улыбку на губах своего отражения. Подняла правую руку — и красавица в изумрудном платье в точности повторила её движение, грациозно коснувшись пальцами резной рамы с той стороны стекла. Маргарита повернула голову вправо, затем влево, заглянула за край рамы — там была лишь старая бревенчатая стена чердака. Никаких проекторов, никакой подсветки. Только старое дерево и живое, тёплое золото внутри зеркала.В груди стало так жарко и сладко, словно после долгих лет зимы в душу вдруг ворвался майский ветер. Вспомнились ядовитые слова Дениса про «выдохлась и постарела» — и вмиг показались мелкими, глупыми и ничтожными. Она красивая. Она живая. И это зеркало только что показало ей, какой она может быть на самом деле.Маргарита обеими ладонями коснулась прохладного стекла, словно

пытаясь удержать это тепло, но золотистое сияние в глубине медленно, плавно растаяло, уступая место вечерним сумеркам.

Она ещё несколько минут стояла перед потемневшим зеркалом с бешено колотящимся сердцем и счастливой, растерянной улыбкой на губах.— Ну и чудеса у тебя в доме, Игнатий Петрович… — тихо прошептала она, чувствуя, как по телу разливается невероятный прилив сил и вдохновения. — Не знаю, что это за волшебство, но я клянусь: я стану именно такой. Не в стекле, а по-настоящему.Бакс, всё это время не сводивший с зеркала круглых янтарных глаз, тихо, утвердительно «мряукнул», спрыгнул с сундука и направился к лестнице, всем своим видом показывая, что пора спускаться.Спустившись вниз на лёгких, почти невесомых ногах, Маргарита вспомнила строгий наказ Игнатия Петровича: первым делом поклониться старому лесу, с уважением и гостинцем попросить разрешения жить на его грани. После того, что она только что увидела на чердаке, сомнений в том, что это место живое и волшебное, у неё не осталось ни капли.На кухне из дорожных припасов нашлись свежий ароматный каравай хлеба, баночка светлого цветочного мёда и горсть грецких орехов. Маргарита выложила всё это на чистый льняной рушник, накинула на плечи тёплую кофту и вышла за заднюю калитку участка, туда, где заросший сад переходил в мягкий моховой ковёр векового соснового бора.Бакс, конечно же, увязался следом — огромный кот ступал по хвое бесшумно, как настоящая рысь, с любопытством поводя ушами с кисточками.У старой разлапистой сосны, корни которой причудливо переплетались, образуя подобие природного стола, Маргарита остановилась. Вечерний лес вокруг дышал глубокой, торжественной тишиной; только высоко в кронах мерно шумел ветер, словно гигантские деревья перешёптывались между собой, разглядывая новую соседку.Маргарита развернула рушник с гостинцами на широком мшистом корне, улыбнулась, низко поклонилась лесу и произнесла вслух — просто, искренне, от самого сердца: — Здравствуй, старый лес. Пришла я к тебе с миром и добром. Не сердись, если что не так сделаю по незнанию. Позволь жить у твоего порога в ладу и покое. Прими гостинец от души.И в ту же секунду ветер в верхушках сосен стих, а прямо на плечо Маргарите с ветки бесшумно спланировала маленькая золотистая хвоинка.— Хорошо сказала, городская. Правильно. Лес такое уважение любит, — раздался вдруг мягкий, тёплый женский голос совсем рядом.

Маргарита вздрогнула и обернулась.В нескольких шагах, на узкой лесной тропинке, стояла женщина лет тридцати пяти. Невысокая, гибкая, с густой тёмной косой, перекинутой через плечо, в удобной тёплой жилетке поверх длинной льняной юбки и с плетёной корзинкой на сгибе локтя, доверху наполненной молодыми сосновыми побегами и первыми весенними травами. Лицо у неё было открытым, светлым, с живыми тёмными глазами, в глубине которых плясали тёплые, мудрые искорки.Бакс, который обычно настороженно относился к чужим, вдруг спокойно подошёл к незнакомке, обнюхал подол её юбки и с громким, довольным урчанием потёрся тяжёлой мордой о её сапог.— Ого, какой красавец! — засмеялась женщина, присаживаясь на корточки и умело почесав мейн-куна за ушами. — Ишь ты, с характером, а душу сразу чует. Алёнка я. С пригорка, из дома с резной крышей. Мне дед Игнатий днём звонил, предупредил, что ты приехала. Вот шла с травами мимо — дай, думаю, загляну, познакомлюсь с новой соседкой.— А я Маргарита… Марго, — поправилась она сама и улыбнулась с лёгким румянцем. — Очень приятно, Алёнка. Игнатий Петрович мне как раз про тебя говорил, советовал обращаться, если помощь по лесным делам понадобится.— Ну вот и славно, что познакомились, — Алёнка выпрямилась, окинув Марго быстрым, внимательным взглядом, и вдруг на секунду прищурилась, уловив на ней тёплый отблеск чердачной магии. — Пойдём к тебе на крыльцо, посидим немного, раз уж встретились.Они вернулись во двор и устроились на широкой террасе. Алёнка с восхищением оглядела дом, кивнув сама себе:— Хорош сруб, живой. Игнатий в него всю душу вложил, да и зеркало на чердаке, вижу, тебя уже поприветствовало — вон как глаза блестят. Надолго к нам, Марго? На лето или совсем осесть решила?

— Насовсем хочу, — призналась Марго, обхватив руками колени и глядя на темнеющий край леса. — Устала от города, Алёнка. До чёртиков устала. Хочу здесь дело своё открыть — небольшой, уютный гостевой дом для тех, кому тишина и живая природа нужны. Дом сам по себе сказка, внутри почти всё идеально, но кое-что по мелочи достроить нужно: беседку в саду поставить, баньку подновить, террасу расширить. Не подскажешь, где у вас тут хорошие стройматериалы и брус заказать можно?Алёнка хитро улыбнулась в уголок губ:— Материалы-то у нас в одном месте лучшие — в нашем леспромхозе, у Егора Андреевича. Мужик он крепкий, дело своё знает туго, лишнего не возьмёт и лес у него отборный. Я тебе сейчас его номер запишу, завтра с утра можешь прямо к нему в контору заехать, он с семи уже на ногах.Она достала из кармана жилетки маленький блокнотик, черкнула цифры и протянула листок Марго. Но когда Марго потянулась за бумажкой, Алёнка вдруг накрыла её ладонь своей тёплой рукой и посерьёзнела.— Контакт я тебе дала, Марго. Но только ты послушай меня не как соседа, а как человека, который больше глаз видит, — негромко, с удивительной мягкостью произнесла шаманка. — Какой тебе сейчас ремонт, стройка да доски? Зеркало тебе показало, какой ты можешь быть, но посмотри на себя сейчас: плечи внутрь зажаты, усталость в каждой клеточке, а на душе такой тяжёлый, липкий груз висит, будто ты чужую жизнь на горбу два года тащила.

Марго замерла, поражённая точностью этих слов. Горло вдруг сдавило так, что она не смогла вымолвить ни звука.— Это городская грязь, чужие обиды и чужая зависть к тебе прилипли, — спокойно продолжала Алёнка, глядя ей прямо в глаза. — С таким грузом новое дело начинать нельзя — всё вкривь да вкось пойдёт, силы впустую утекут. Тебе сначала выдохнуть надо. Смыть с себя всю эту тяжесть, почиститься, саму себя вспомнить.— А как… почиститься? — тихо спросила Марго, чувствуя, как внутри дрогнула давно запертая боль.— А приходи ко мне завтра вечером, как совсем стемнеет и со всеми делами управишься, — тепло улыбнулась Алёнка, поднимаясь с лавки и подхватывая свою корзинку с травами. — Мы с мужем на поляне за нашим участком костёр разведём. Я в бубен ударю, травы нужные в огонь брошу, пошепчемся с духами — снимем с тебя всю старую шелуху. А завтра с утра со свежей головой и к Егору поедешь. Договорились?— Договорились, — выдохнула Марго, чувствуя, как на душе впервые за много месяцев стало светло и легко. — Спасибо тебе, Алёнка. Обязательно приду.Шаманка кивнула, махнула рукой и лёгкой, быстрой походкой скрылась за калиткой, растворившись в синих майских сумерках.Марго проводила её взглядом, посмотрела на часы — до десяти вечера оставалось ещё почти два часа — и вдруг спохватилась, хлопнув себя ладонью по лбу.— Бакс, мы с тобой совсем голову потеряли! — воскликнула она, вскакивая с крыльца. — Завтра я поеду в леспромхоз, начну искать плотников, строителей, потом сюда посторонние люди ходить будут… А наше зеркало там, на чердаке, стоит себе неприкаянное! Не дай бог кто-нибудь доской заденет, разобьёт или вообще сопрёт такую красоту!

Бакс солидно моргнул янтарными глазами и трусцой поспешил за хозяйкой в дом, всем своим видом показывая, что полностью поддерживает это стратегическое решение.Следующие сорок минут превратились в настоящую спасательную операцию. Старинное зеркало в массивной раме из тёмного дерева оказалось на удивление тяжёлым — с непривычки у Марго даже заныли плечи и задрожали колени. Пришлось подложить под нижний край старое плотное покрывало, найденное в одном из чердачных сундуков, и сантиметр за сантиметром, придерживая раму обеими руками и тихо чертыхаясь на узких поворотах, спускать драгоценную находку вниз по крутой чердачной лестнице.Бакс в это время выступал в роли главного прораба: он спускался на две ступеньки впереди, периодически оборачивался, проверял, не застряла ли хозяйка на вираже, и ободряюще басил, будто командовал: *«Левее бери, не поцарапай косяк!»*.Когда зеркало наконец благополучно перекочевало на второй этаж и заняло почётное место у стены в будущей личной спальне Марго — в самой дальней, светлой комнате с панорамным окном в сад, — она с облегчением выдохнула, вытирая пот со лба.— Ну вот,

теперь ты в безопасности, — улыбнулась она, ласково проведя пальцами по резной раме.Выйдя из спальни, Марго тщательно заперла дверь на тяжёлый ключ, проверила ручку, затем закрыла на засов дверь на чердак, а перед уходом к Алёнке заперла на все замки и входную дверь дома, прихватив с собой настороженного, но довольного вечерней прогулкой Бакса. Теперь к её тайне не подберётся ни одна живая душа.

Глава 4

Взгляд сквозь стекло

Первое утро в новом доме выдалось ясным, прохладным и удивительно тихим. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь кружевные ветви вековых сосен, ложились широкими золотыми полосами на светлые деревянные половицы и играли на гладкой поверхности стола из цельного слэба карагача.Марго проснулась без будильника, но по многолетней городской привычке тут же села на кровати, машинально потянувшись рукой к тумбочке в поисках телефона. Связь здесь почти не ловила, и экран встречал её непривычной тишиной — ни рабочих чатов, ни пропущенных звонков от поставщиков, ни ночных сообщений. На секунду внутри даже ёкнуло от непривычной пустоты, но тут же накатило лёгкое, сладкое ощущение свободы: она сама себе хозяйка.Она спустилась на первый этаж босиком, с наслаждением ступив на мягкий, пружинящий ворс дизайнерского ковра в форме лесного мха. Разные оттенки зелёного — от нежного салатового до глубокого изумрудного — приятно щекотали пятки, создавая полное ощущение, что она идёт по утренней таёжной поляне.Бакс, уже успевший обследовать первый этаж, важно восседал у миски на кухне и при виде хозяйки издал требовательное, басовитое «Мряу!», мол, в деревне подъём ранний, а завтрак сам себя не насыплет.Накормив кота и сварив себе чашку крепкого ароматного кофе, Марго вышла на широкую террасу. Утренний воздух бодрил, пах свежестью, влажной хвоей и цветущими яблонями в саду. Прихлёбывая горячий кофе, она окинула участок придирчивым, хозяйским взглядом: сам сруб стоял на совесть, внутри и вовсе был готовый шедевр, а вот во дворе работы хватало. Нужно было расширить террасу, чтобы расставить там уютные кресла из слэбов, поставить красивую крытую беседку у края сада, обновить полоки в бане и подправить покосившийся забор со стороны тайги.

Привычный «режим руководителя» включился мгновенно. В голове уже выстраивались списки материалов, сроки и сметы.Собираясь в леспромхоз, Марго даже не взглянула в сторону своего нарядного песочного сарафана и шёлкового палантина, аккуратно повешенных в шкаф. Для поездки на лесопилку и разговоров со строителями требовалось что-то максимально простое, привычное и немаркое. Она натянула тёмные джинсы, свободный, слегка растянутый серый свитер с высоким воротом, обула удобные кроссовки и привычным, быстрым движением стянула густые медно-рыжие волосы в тугой, небрежный пучок на затылке, закрепив обычной чёрной резинкой.Перед выходом она бросила беглый взгляд в узкое зеркало в прихожей — бледная, с лёгкими тенями под глазами от долгой дороги и вчерашних волнений, строгая, собранная — и направилась к машине. Листок с телефоном и адресом директора леспромхоза, Егора Андреевича, записанный вчера рукой Алёнки, лежал в кармане.Леспромхоз располагался на окраине деревни, ближе к трассе. Ещё на подъезде Марго почувствовала густой, смолистый запах свежераспиленной сосны, услышала мерный, басовитый гул пилорамы и увидела высокие, идеально ровные штабеля золотистого бруса, тянувшиеся вдоль высокого деревянного забора.Она припарковала кроссовер у добротного бревенчатого здания конторы, поправила ремешок сумки и толкнула тяжёлую дубовую дверь.В небольшой светлой приёмной за столом сидела миловидная круглолицая девушка лет двадцати пяти — секретарь — и бойко стучала по клавиатуре. Увидев незнакомку, она тут же подняла глаза и с живым деревенским любопытством оглядела гостью с ног до головы.— Доброе утро, — вежливо поздоровалась Марго. — Мне бы с Егором Андреевичем переговорить. Я по поводу закупки бруса и доски для ремонта дома на краю деревни.— А, так это вы у деда Игнатия усадьбу купили! — обрадовалась девушка, словно встретила давнюю знакомую. — У нас в деревне с утра только об

этом и говорят! Проходите, Егор Андреевич у себя, с семи утра уже на ногах.Марго постучала в косяк приоткрытой двери в конце коридора и шагнула в просторный кабинет.

У большого дубового стола, заваленного картами лесничества, накладными и образцами древесины, стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, крепко сбитый — из тех, про кого говорят «высечен из таёжного кедра». Тёмные волосы с лёгкой проседью на висках, густые брови, твёрдая линия скул и крупная, сильная кисть, которой он уверенно прижимал край развёрнутого чертежа. На нём был простой тёмно-синий джемпер с закатанными до локтей рукавами и плотные рабочие брюки, но держался он с таким природным, спокойным достоинством, будто перед ней стоял не начальник сельской лесопилки, а полновластный хозяин этих мест.Он поднял голову. Глаза у него оказались светлыми, серыми, с резким, внимательным прищуром.И в эту секунду с Марго случилось то, чего не происходило уже много лет. Внутри, где-то под рёбрами, всё вдруг сладко и тревожно оборвалось. Дыхание сбилось, а все заготовленные фразы про кубометры, сечение бруса и сроки поставки вылетели из головы. Она смотрела на него — на его спокойную силу, на прямой, открытый взгляд, от которого веяло настоящей мужской надёжностью и теплом — и чувствовала, как по щекам предательски разливается жар, а пальцы на ремешке сумки слегка дрогнули.— Добрый день, — произнёс он ровным, чуть хрипловатым баритоном, глядя на неё вопросительно. — Вы ко мне?— Д-да… Здравствуйте, — Марго с трудом вернула себе привычный деловой тон, шагнув к столу. — Вы Егор Андреевич? Мне Алёнка ваш контакт дала. Я купила дом старика Игнатия на краю деревни, у самого леса. Хочу привести участок в порядок, открыть небольшой, уютный гостевой дом для туристов. Мне понадобятся сухой брус, шпунтованная доска для террасы и беседки, и, возможно, бригада толковых плотников…

Пока она говорила, она помимо воли ловила каждое его движение, каждый поворот головы, каждый взгляд. И с каждым словом внутри становилось всё холоднее и горше.Егор слушал внимательно, но смотрел на неё абсолютно ровно. Без малейшего интереса. Без той мимолётной мужской искры, без короткой задержки взгляда, которую любая женщина считывает за доли секунды. Он оценивал её ровно так же, как минуту назад оценивал топографическую карту лесной делянки: сухо, по-деловому, как очередного заезжего заказчика, который приехал морочить голову своими городскими проектами.— Дом Игнатия Петровича, значит, взяли, — спокойно кивнул он, делая короткую пометку в толстом рабочем блокноте. — Сруб там на славу, лиственница вековая, простоит ещё двести лет. По материалу поможем, лес у нас отборный, камерной сушки есть. Прайс у Насти в приёмной возьмёте, посчитаем, сколько кубов нужно, доставку до вашего двора организуем. А вот бригаду сейчас не дам — у нас сезон в разгаре, все мужики на вырубке и на стройке в районе. Разве что к середине лета кто освободится.— Понятно, — тихо ответила Марго, чувствуя, как к горлу подкатывает глухой, обидный ком. — Спасибо. Я… я тогда посмотрю прайс и прикину объёмы.— Вы бы сначала выспались, хозяйка, а потом уже тайгу перекраивать брались, — вдруг добавил он с лёгкой, снисходительной усмешкой, скользнув равнодушным взглядом по её осунувшемуся лицу, мешковатому серому свитеру и растрёпанному пучку на затылке. — Вид у вас такой, будто вы три смены без перерыва отпахали. Отдохните с дороги, здесь спешить некуда. Заходите, как с цифрами определитесь.И он тут же снова опустил глаза в свои чертежи, словно её уже и не было в кабинете.

Марго взяла в приёмной распечатку прайса, вежливо попрощалась с улыбчивой секретаршей Настей и вышла на крыльцо леспромхоза. Только на свежем воздухе она поняла, что до боли в костяшках сжимает бумажный лист.Ничего грубого он ей не сказал. Не нахамил, ответил чётко, даже посочувствовал её усталому виду. Но именно это его спокойное, снисходительное сочувствие — как к загнанной полковой лошади, в которой даже при желании невозможно разглядеть женщину — ударило больнее любой пощёчины.Обидно было до жгучих слёз. Впервые за долгие годы ей по-настоящему, до дрожи в коленях понравился мужчина — сильный, настоящий, живой. А он даже не заметил в ней женщину. Посмотрел сквозь неё, как сквозь

пустое, мутное стекло.Обратно к своему дому Марго ехала молча, стиснув зубы. В груди ворочалась глухая горечь — и на Егора, и на саму себя.Вернувшись в усадьбу, она поднялась на второй этаж, отперла тяжёлым ключом свою спальню и подошла к высокому антикварному зеркалу, которое вчера с таким трудом спустила с чердака. Бакс бесшумно проскользнул следом и уселся рядом, внимательно глядя на хозяйку янтарными глазами.В старинном стекле на неё смотрела всё та же замотанная, серая женщина в растянутом свитере с тусклыми глазами.— Прав он… — тихо, с горечью прошептала Марго, опускаясь на стул перед зеркалом и проводя пальцами по резной деревянной раме. — Во всём прав. Сама себя в эту серую тень загнала.Стоило её ладони коснуться тёплого дерева, как в глубине зеркала снова вспыхнуло мягкое золотистое сияние. Но на этот раз стекло сначала заволокло лёгкой дымкой, сквозь которую проступила короткая, живая картина из прошлого этого дома: в этой же просторной светлой комнате у панорамного окна стояла статная, потрясающе красивая женщина в длинном изумрудном платье с кружевом. Она счастливо смеялась, поправляя роскошные локоны, а с порога на неё смотрел высокий, широкоплечий мужчина — с таким обожанием и огнём в глазах, от которого, казалось, плавился воздух.

Видение длилось всего несколько мгновений, а затем растворилось в золотом свете — и на месте той женщины из прошлого в зеркале снова проступила сама Марго. Гордая, сияющая, в таком же струящемся изумрудном платье, с королевской осанкой и живым, магнетическим взглядом.Марго смотрела на своё волшебное отражение, и жгучая обида в груди постепенно сменялась твёрдым, упрямым решением. Она больше никогда не позволит себе выглядеть загнанной лошадью. Ни ради работы, ни ради кого бы то ни было.Посмотрев на часы, она вспомнила о приглашении Алёнки: сегодня вечером шаманка ждала её на поляне у костра, чтобы снять всю накопившуюся городскую тяжесть. И сейчас Марго понимала, что этот обряд нужен ей как воздух.

Глава 5

Танец огня, шёпот воды

К десяти вечера майский день, выдававшийся на удивление жарким, почти по-летнему знойным, наконец уступил место бархатным, тёплым сумеркам. Воздух не остыл, а стал густым, напоённым сладким духом цветущей черёмухи, разогретой за день сосновой смолы и свежей речной прохлады.Собираясь к соседке, Марго впервые за долгое время не стала стягивать волосы в привычный тугой офисный узел. Она распустила свои густые, тяжёлые медно-рыжие локоны, позволив им свободно рассыпаться по плечам и спине, а у лба прихватила мягкой шёлковой повязкой тёплого оливкового оттенка, чтобы пряди не лезли в глаза. Надела из дорожного чемодана лёгкий длинный сарафан из тонкого струящегося льна песочного цвета, а сверху накинула невесомый, полупрозрачный шёлковый палантин с акварельным лесным узором — и для красоты, и чтобы уберечь открытые плечи от первых назойливых таёжных комаров, уже начавших тихий звон в траве.Марго закрыла входную дверь на все замки и неторопливо пошла вверх по широкой улице — туда, где на высоком пригорке, у самой кромки бора, стоял добротный бревенчатый коттедж Алёнки. Огромный Бакс бесшумно шагал рядом, словно верный телохранитель, лишь изредка останавливаясь, чтобы повести ушами с кисточками в сторону ночных лесных шорохов.Алёнка встретила её у распахнутой калитки — и Марго на секунду замерла, залюбовавшись соседкой.

Переодевшаяся к ночи для обряда, шаманка выглядела как ожившая легенда сибирской тайги. На ней было яркое, просторное летнее платье глубокого вишнёво-терракотового оттенка из тонкой летящей ткани, расшитое по подолу и рукавам древними обережными узорами. На шее и груди переливались десятки нитей самых разных бус — из янтаря, сердолика, тёмного дерева, речного жемчуга и резной кости, тихо и мелодично позванивавших при каждом её движении. А голову венчал искусно повязанный тёмно-вишнёвый платок, с переднего края которого свисала густая бахрома из тяжёлых стеклянных и каменных бусин, мягко прикрывавшая её глаза от чужого взгляда. В руках она держала большой, обтянутый тугой кожей бубен. — А вот и наша городская гостья, — тепло улыбнулась Алёнка, и в полутьме под бахромой бусин сверкнули её живые глаза. Она тут же склонилась, мелодично зазвенев украшениями, чтобы поприветствовать важного мейн-куна. — И Бакс с тобой! Правильно, такому зверю у костра самое место, он дух огня уважает. Пойдём, на поляне уже всё готово.Они обогнули дом и вышли на просторную, укромную поляну за садом, откуда узкая тропинка спускалась прямо к лесному озеру, поблёскивающему вдали тёмным серебром.Посреди поляны уже трещал высокий, ладно сложенный костёр. Рядом на корточках сидел высокий, плечистый мужчина с открытым, спокойным лицом — муж Алёнки, — подправляя сухим берёзовым поленом ровно занимающиеся языки пламени. Увидев женщин, он поднялся, дружелюбно кивнул Марго, коротко переглянулся с женой и, подхватив охапку лишних дров, спокойно направился к дому.

— Муж у меня золотой, — с тихой гордостью улыбнулась Алёнка, глядя ему вслед. — Помог костёр по всем правилам выложить, огонь разжёг — и ушёл, в женские таинства никогда не лезет. Знает, что тут своя сила работает.Пламя взметнулось вверх, осыпая ночное небо золотыми искрами. Алёнка подошла к самой кромке огня, достала из расшитого мешочка на поясе щепоть ароматных сухих трав, топлёного масла и кедровых орешков и бережно бросила в пламя. Костёр отозвался радостным, звонким треском, и в воздух поднялся густой, пряный дым можжевельника и полыни.— Здравствуй, батюшка Огонь, здравствуйте, духи земли этой и тайги древней, — негромко, нараспев заговорила Алёнка, склонив голову так, что бусины

платка полностью скрыли её лицо в мерцании огня. — Привела я к вам сестру новую, Маргариту. Пришла она с чистым сердцем, без зла и корысти. Примите её, очистите от чужой тяжести, снимите всё наносное да чужое, что к душе прилипло.Она повернулась к Марго, чуть приподняв подбородок, и кивнула:

— Вставай лицом к огню, Марго. Руки опусти, глаза закрой и не думай ни о чём — просто дыши и слушай.Марго сделала шаг ближе к тёплому пламени, скинув с плеч шёлковый палантин, и прикрыла веки.В следующую секунду тишину ночи разорвал первый удар бубна.Звук оказался не резким, а глубоким, бархатным, вибрирующим — он словно прошёл прямо сквозь землю, поднялся по ногам и отозвался гулким эхом в самой груди. Алёнка неторопливо пошла вокруг Марго по ходу солнца, мерно ударяя колотушкой в тугую кожу бубна, и в такт её шагам тихо, серебристо перезванивались десятки бус на её ярком платье.

С каждым кругом ритм менялся. То бубен пел легко и звонко, как весенний ручей, то вдруг становился тяжёлым, вязким, глухим. Алёнка остановилась у неё за спиной, чуть выше лопаток, и звук здесь загудел особенно низко и тяжело, словно натыкаясь на невидимую каменную стену.— Ох, сколько же ты на плечах своих чужого тащила, девонька… — прошептала шаманка сквозь мерный гул бубна. — И чужую лень, и чужое враньё, и обиду горькую, и зависть женскую, что в спину тебе дышала. Вся спина как панцирем закована, дышать полной грудью не даёт.Она снова пошла по кругу, ускоряя ритм. Удары бубна слились в единый, завораживающий поток, от которого у Марго закружилась голова, а перед закрытыми глазами поплыли золотые круги. Алёнка достала пучок дымящейся полыни и чабреца, провела им вдоль её плеч, спины, рук и распущенных волос, словно сметая невидимую паутину, и резким движением швырнула травы в самое сердце костра.Пламя вспыхнуло высоким ярко-синим языком, зашипело, словно в него плеснули воды, и тут же выровнялось, запылав ровно и жарко.В тот же миг Марго почувствовала, как с плеч, будто тяжёлый мокрый плащ, сползло невыносимое, многолетнее напряжение. В груди стало так просторно и легко, что захотелось рассмеяться или расплакаться от внезапного, забытого ощущения свободы.— Вот и славно, — Алёнка опустила бубен, откинула назад платок с бусинами, открывая светлое, чуть раскрасневшееся от огня лицо, и тепло улыбнулась. — Огонь всю грязь забрал, дотла сжёг. А теперь, сестра, надо эту пустоту чистой водой заполнить и заново родиться. Пошли к озеру!— К озеру? Сейчас? — растерялась Марго, глядя в сторону тёмных деревьев.

— А то как же! Ты посмотри, какая ночь стоит — тёплая, как в июле, ни ветерка. Вода за день прогрелась, как парное молоко. Скидывай всю эту городскую одёжу — купаться будем! Голышом, чтобы ни одной ниточки старой жизни на теле не осталось!Марго на секунду смутилась — коренная горожанка, она и на пляже-то сто лет не была, а уж ночью в лесное озеро без купальника… Но лёгкий, пьянящий ветер свободы, проснувшийся в душе после костра, мгновенно смёл все сомнения.Они спустились по мягкой мшистой тропинке к берегу.Озеро открылось между сосен как чаша с тёмным зеркалом, в котором поначалу отражалась полная луна, но с западного края неба уже быстро наползала тяжёлая, тёплая грозовая туча, обещая скорый майский ливень. Вдоль берега тихо покачивались на воде широкие листья кувшинок и белые, словно фарфоровые, ночные лилии, наполняя воздух тонким, сладковатым ароматом. Бакс, почуяв близость дождя, деловито шмыгнул под густую, раскидистую лапу старой ели у самой кромки берега, поджал под себя пушистый хвост и с любопытством уставился на воду янтарными глазами.Алёнка первой с мелодичным звоном сняла бусы и платок, легко скинула своё яркое вишнёвое платье, осталась в чём мать родила и с тихим, счастливым смехом скользнула в воду, подняв веер серебристых брызг.— Иди скорее, Марго! Вода — шёлк!Марго сняла с головы шёлковую повязку, позволив волне густых медно-рыжих волос свободно упасть на спину, отложила под ель, рядом с Баксом, лёгкий палантин и песочный льняной сарафан и неуверенно шагнула босыми ногами на прохладный, гладкий песок у самой воды. Ночной

воздух ласково коснулся обнажённой кожи, и вместо холода она почувствовала невероятную, пьянящую нежность.

Она вошла в воду по пояс, оттолкнулась от дна и поплыла к середине озера.Вода и правда оказалась удивительно тёплой, мягкой, словно живой жидкий бархат. Она обнимала тело, смывала последние остатки городской усталости, скованности и печали. И в ту самую минуту, когда Марго перевернулась на спину и раскинула руки, небо над тайгой тихо раскололось глухим, бархатным раскатом грома — и на озеро обрушился тёплый, густой летний ливень.Крупные, почти горячие капли застучали по тёмной глади, взбивая миллионы серебристых пузырьков. Вода сверху слилась с водой снизу в единую сплошную, живую стену, укрывшую женщин от всего остального мира. Марго засмеялась — звонко, легко, подставляя лицо тугим тёплым струям, смывающим с неё всё прошлое до последней капли.И сквозь шум ливня, из прибрежных зарослей камыша и белых лилий совсем рядом донёсся ответный смех — тонкий, переливчатый, словно звон хрустальных колокольчиков.Под прикрытием сплошной водяной стены, когда граница между небом и озером исчезла, они осмелели. В нескольких шагах от Марго из-под широких листьев кувшинок бесшумно вынырнули три девичьи головки с длинными, рассыпавшимися по воде серебристо-зелёными волосами. Их бледные лица светились в полумраке мягким жемчужным светом, а огромные, бездонные глаза с детским восторгом и любопытством разглядывали новую гостью. Одна из них игриво плеснула ладошкой по воде, обдав Марго тёплыми брызгами, и звонко расхохоталась.— Алёнка… Они прямо здесь! — выдохнула Марго, замерев на воде с замиранием сердца.Шаманка лишь весело усмехнулась, откидывая со лба мокрые пряди:— Конечно! В грозу да в ливень, когда вода с водой сходится, русалки ничего не боятся, выходят на волю порезвиться. Любопытные они до ужаса — учуяли новую женщину в деревне, вот и приплыли поглядеть, кто пожаловал.

Самая смелая из русалок подплыла ещё ближе, коснулась холодными, тонкими пальцами плеча Марго, хихикнула и тут же скользнула обратно в глубину, оставив на поверхности покачиваться крупную белую лилию.— Ой, а они не опасные? — тихо спросила Марго, глядя вслед серебристым теням под водой. — В сказках-то про них разное говорят…— Сказки люди от незнания придумывают, — спокойно ответила Алёнка, плывя рядом под тёплыми струями дождя. — Опасаться в наших местах нужно только если нахрапом лезть да правила нарушать. Хозяин тут в озере строгий — Водяной. Ему, как и лесу, уважение нужно и гостинец время от времени: табачку хорошего на берег положить или хлеба свежего с солью, чтобы воду не мутил и гостей твоих будущего отеля не пугал. А русалки — они же девчонки, хоть и водяные. С ними подружиться проще простого: принеси им как-нибудь на берег бусиков красивых, ленточек ярких или побрякушку какую блестящую. Они до украшений страсть как падкие! Примешь их по-доброму — лучшими подружками станут, ещё и травы редкие со дна доставать будут, и удачу в дом пригонят.— Бусики? Да у меня в шкатулке целый пакет бижутерии с собой в чемодане лежит! — улыбнулась Марго, чувствуя, как душа наполняется настоящим, живым азартом сказки.Стоило им выйти на берег, как тёплый слепой ливень так же внезапно стих, оставив после себя одуряющий аромат мокрой хвои, цветущей черёмухи и свежей травы. Они обтёрлись мягкими льняными полотенцами, накинули тёплые халаты и вернулись под просторный резной навес у дома Алёнки, где под крышей весело пылал жаркий очаг и уже шумел пузатый медный самовар.Марго не узнавала саму себя. Тело гудело от приятной, лёгкой истомы, кожа дышала, влажные волосы пахли речной водой, лилиями и грозой, а в голове стояла звенящая, кристальная ясность.Алёнка разлила по глиняным кружкам горячий чай из термоса — с душицей, листом смородины и таёжным мёдом — и пытливо посмотрела на соседку в отблесках огня.— Ну вот, совсем другое дело. Теперь глаза живые, а то глядеть больно было, — кивнула она и вдруг улыбнулась с лукавой хитринкой. — Рассказывай давай, что ты там у Игнатия на чердаке нашла, что аж в спальню к себе на три замка утащила? Я же видела, как у тебя глаза горели, когда мы на крыльце сидели.Марго рассмеялась — скрывать что-то

от этой женщины было совершенно бесполезно.— Зеркало там старинное, Алёнка. В резной раме. Я к нему прикоснулась — а оно золотым светом вспыхнуло и показало меня… совсем другой. Красивой, ухоженной, в изумрудном платье. Я даже испугалась сначала, думала — с ума схожу.Алёнка не удивилась. Она медленно отпила горячий чай, глядя на тлеющие угли, и заговорила тихо, задумчиво:— Не сходишь ты с ума, Марго. Зеркало это ещё прадед Игнатия из дальних краёв привёз — редкая вещь, с силой. Оно не просто стекло, оно как живой страж и проводник. Раз оно тебе твою лучшую суть показало — значит, признало тебя настоящей хозяйкой и путь указало, куда тебе расти и какой становиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.